

Деньги миледи

Автор:

Уильям Уилки Коллинз

Деньги миледи

Уильям Уилки Коллинз

Уильям Уилки Коллинз (1824–1889) – английский прозаик и драматург, основоположник так называемого «сенсационного романа», впоследствии разделившегося на отдельные жанры: приключенческий и детективный. Коллинз – подлинный мастер интриги и увлекательного сюжета. В его романах, пьесах и рассказах органично сочетаются логика расследования преступлений, психологизм в обрисовке персонажей, красочные пейзажи и романтические истории, элементы сатиры и мистики. Произведения Уилки Коллинза переведены на десятки языков и многократно экранизированы. Они снискали небывалый успех у читателей и зрителей во всем мире.

Роман «Деньги миледи» продолжает детективную линию творчества Коллинза. В нём мы узнаём о ходе расследования пропажи 500-фунтовой банкноты, при поиске которой было опорочено честное имя бедной Изабеллы, заподозренной в краже этих денег.

Перевод с английского принадлежит редакции журнала «Русский Вестник» 1878 года.

Деньги миледи

Эпизод из жизни молодой девушки, рассказанный Уилки Коллинзом

Лица, действующие в рассказе:

Женщины.

Леди Лидиард (вдова лорда Лидиарда).

Изабелла Миллер (ее приемная дочь).

Мисс Пинк (из Соут-Мордена).

Досточтимая мистрис Дромблед (сестра досточтимого А. Гардимана).

Мужчины.

Досточтимый Алфред Гардиман (коннозаводчик).

Мистер Феликс Свитсэр (племянник леди Лидиард).

Роберт Муди (фактотум[1 - Доверенное лицо, выполняющее всяческие поручения.]леди Лидиард).

Мистер Трой (юрист леди Лидиард).

Старый Шарон (из закоулков юридической богемы).

Животные

Томми (собака леди Лидиард).

Часть первая

Глава I

Старая леди Лидиард сидела, задумавшись, перед камином, на коленях у нее лежали три открытых письма.

Бумага выцвела от времени, и чернила приняли рыжеватый оттенок. Все письма были адресованы одному и тому же лицу, высококочтимому лорду Лидиарду, и все были одинаково подписаны: «Преданный вам кузен Джеймс Толмидж». Судя по этим образчикам его корреспонденции, мистер Толмидж обладал одним великим достоинством в писании писем – достоинством краткости. Письма его не истощили бы ничьего терпения. Поэтому предоставим ему говорить самому за себя.

Первое письмо: «Отчет мой, согласно желанию вашего лордства, будет краток и точен. Я имел успех в качестве портретного живописца в провинции; у меня есть жена и дети, о которых я должен заботиться. При таких обстоятельствах, если бы мне приходилось решать самому, я, разумеется, подожду бы, пока соберу несколько денег, прежде чем решиться на серьезные издержки, сопряженные с наймом дома и студии в Лондонском Вест-Энде. Я положительно заявляю что вы, милорд, поощрили меня сделать этот опыт преждевременно. И вот теперь я, без известности и работы, беспомощный художник, затерявшийся в Лондоне, с больною женой и голодными детьми и угрожающим мне банкротством. На чьи плечи должна пасть тяжкая ответственность за это? На ваши, милорд!»

Второе письмо: «После недели ожидания вы почтили меня, милорд, кратким ответом. Могу быть столь же краток со своей стороны. Я с негодованием отрицаю, чтоб я или моя жена когда-нибудь имели в мысли пользоваться именем вашего лордства как средством рекомендации для заказчиков без вашего на то дозволения. Какой-нибудь враг оклеветал нас. Я заявляю свое право знать имя этого врага».

Третье (и последнее) письмо: «Прошла еще неделя, и я не получал ни одного слова в ответ от вашего лордства. Но это все равно. Время это я употребил на

розыски и, наконец, открыл враждебное влияние, которое удалило вас от меня. Я, как кажется, имел несчастье оскорбить (каким образом – не могу себе представить) леди Лидиард, и всемогущее влияние этой благородной дамы употреблено теперь против борющегося художника, которого соединяют с вами священные узы родства. Пусть так. Я смогу пробить себе дорогу, милорд, как это делали другие люди прежде меня. Еще может настать день, когда ряд карет, ожидающих у дверей модного портретиста, будет заключать в себе экипаж миледи, который принесет мне запоздалые выражения сожаления ее лордства. Предсказываю вам, лорд Лидиард, этот день!»

Когда леди Лидиард прочла касающиеся ее тяжкие обвинения мистера Толмиджа во второй раз, раздумье ее внезапно кончилось. Она встала, взяла письма обеими руками, чтоб изорвать их, поколебалась и бросила их обратно в ящик бюро, где они были найдены между другими бумагами, которые не были приведены в порядок со времени смерти лорда Лидиарда.

– Идиот! – проговорила леди Лидиард, думая о мистере Толмидже. – Я никогда даже не слышала о нем, пока муж мой был жив, я не знала даже, что он в родстве с лордом Лидиардом, пока не нашла этих писем. Что теперь следует делать?

Задав себе этот вопрос она взглянула на брошенную на стол газету, извещавшую о смерти «талантливого художника мистера Толмиджа, по слухам, состоявшего в родстве с известным знатоком и любителем искусства лордом Лидиардом». В следующих строках автор некролога оплакивал бедственное положение мистрис Толмидж и ее детей, «оставшихся без всяких средств, на мирскую помощь». Леди Лидиард стояла пред столом, устремив глаза на эти строки, и ясно видела направление, куда они указывали – они указывали на ее книгу чеков.

Обратясь к камину, она позвонила. «Я ничего не могу сделать по этому поводу, – думала она, – пока не узнаю, можно ли полагаться на то, что здесь говорится о мистрис Толмидж и ее семействе».

– Вернулся ли Муди? – спросила она, когда слуга появился в дверях.

Муди (управляющий миледи) еще не возвращался. Леди Лидиард, отложив дальнейшие размышления о вдове художника до возвращения своего

управляющего, обратила свои мысли ни предмет домашнего интереса, близко касавшийся ее сердца. Любимая ее собака заболела несколько времени тому назад, и сегодня утром она не получала о ней еще никакого известия. Она отворила дверь близь камина, которая вела чрез небольшой коридор, увешанный редкими картинами, в ее будуар.

- Изабелла! - крикнула она. - Что Томми?

Свежий молодой голос отвечал из-за портьеры в дальнем конце коридора.

- Ничуть не лучше, миледи.

Тихое ворчание, слышавшееся вслед за свежим молодым голосом, прибавило (на собачьем языке): «Гораздо хуже, миледи, гораздо хуже!»

Леди Лидиард затворила дверь со вздохом соболезнования о Томми и стала ходить взад и вперед по просторной гостиной, ожидая возвращения управляющего.

Выражаясь точно, вдова лорда Лидиарда была мала ростом и толста и достигла шестидесятого года со дня своего рождения.

Но можно было сказать, не делая ей комплимента, что на вид она была моложе, по крайней мере, на десять лет. Цвет лица ее имел нежный розовый оттенок, какой иногда можно встретить у хорошо сохранившихся старух. Глаза ее (также хорошо сохранившиеся) были светло-голубого цвета, который отличается прочностью и не смывается слезами. Прибавьте к этому ее короткий нос, полные щеки, не допускавшие морщин, седые волосы, завитые в тугие мелкие локоны, и, если бы кукла могла вырасти, леди Лидиард в шестьдесят лет была бы живым изображением этой куклы, легко смотрящей на жизненный путь, ведущий к прекраснейшей из могил на кладбище, где мирты и розы цветут круглый год.

Упомянув о ее достоинствах, беспристрастный рассказчик должен сознаться, что в числе ее недостатков было полнейшее отсутствие такта и вкуса в одежде. Истекшее время траура по смерти лорда Лидиарда давало ей право одеваться как угодно, и она украшала свою короткую полную фигуру цветами слишком яркими для женщины ее лет. Платья ее, при дурном выборе цвета, были, может быть, не дурно сшиты, но она дурно их носила. В нравственном отношении, так

же, как и в физическом, внешность леди Лидиард была ее худшей стороной. Аномалии ее платья гармонировали с аномалиями ее характера. Были минуты, когда она чувствовала и говорила как прилично женщине высшего круга, но были также другие минуты, когда она чувствовала и выражалась как кухарка. Под этими резкими несообразностями скрывалось великое сердце, замечательно правдивая и великодушная натура, которая ждала только достаточного повода, чтоб обнаружиться. В пустых светских разговорах она была откровенна до смешного. Но, когда серьезные и непредвиденные случаи подвергали испытанию тот металл, из которого она была действительно сделана, люди, которые громче других смеялись над нею, останавливались в изумлении и не могли понять, что случилось с хорошо известною им особой, которую они привыкли встречать в повседневной жизни.

Миледи прошлась всего несколько раз по комнате, когда человек, одетый в черное, бесшумно появился у большой двери, выходившей на лестницу. Леди Лидиард сделала нетерпеливый знак, чтоб он вошел в комнату.

– Я ждала вас несколько времени Муди, – сказала она. – Вы имеете усталый вид. Сядьте.

Человек, одетый в черное, почтительно поклонился и сел.

Глава II

Роберту Муди было в то время около сорока лет. Это был застенчивый, тихий, смуглый человек с бледным гладко выбритым лицом, приятно оживленным большими черными, глубоко посаженными глазами. Рот его был, может статься, лучшею чертой его лица: у него были тонкие, хорошо очерченные губы, которые в редких случаях смягчались очаровательною улыбкой. Вся наружность этого человека, невзирая на постоянную его сдержанность, внушала полнейшее к нему доверие. Положение его в доме леди Лидиард было не совсем ничтожное. Он был ее секретарем и управляющим, распределял ее благотворительные пожертвования, писал деловые письма, платил по счетам, нанимал слуг, пополнял ее винный погреб, имел право брать книги из ее библиотеки и обедал в своей комнате. Такой особой милости он обязан был своим происхождением. По рождению он принадлежал к классу джентльменов. Отец

его потерпел неудачу в качестве провинциального банкира во время биржевой паники, он выплатил своим компаньонам хороший дивиденд и, с разбитым сердцем удалившись за границу, вскоре умер. Роберт старался поддержать приличное ему место в свете, но несчастная судьба не давала ему подняться. Незаслуженные неудачи преследовали его с одной службы на другую, пока он не оставил попытки бороться, простился со своею гордостью и принял деликатно предложенное ему место в доме леди Лидиард. В настоящее время никого из родных его не было в живых, друзей у него всегда было не много. В свободное от занятий время он вел уединенную жизнь в своей маленькой комнате. Среди женской прислуги дома было предметом всеобщего тайного удивления, каким образом он до сих пор не женат, несмотря на свои личные достоинства и многие случаи, которые без сомнения ему представлялись. Роберт Муди не входил в объяснения по этому поводу. Тихо и печально он продолжал вести свою тихую и печальную жизнь. Женщины, начиная с красивой экономки, потеряв надежду произвести на него впечатление, утешались пророческим предвидением его будущей судьбы и мстительно предсказывали, что «его время еще придет».

- Ну, - сказала леди Лидиард, - что вы сделали?

- Миледи, кажется, беспокоится о собаке, - отвечал Муди обычным своим тихим голосом. - Я, прежде всего, отправился к ветеринарному врачу. Он был отозван в деревню, но...

Леди Лидиард махнув рукой, прервала заключение речи.

- Нечего думать о докторе. Нужно найти кого-нибудь другого. Куда вы отправились потом?

- К вашему юристу, миледи. Мистер Трой поручил мне передать вам, что он будет иметь честь быть у вас...

- Оставьте юриста, Муди. Я хочу узнать о вдове художника. Правда, что мистрис Толмидж с семейством осталась в беспомощной бедности?

- Не совсем так, миледи. Я видел священника ее прихода, который принимает в ней участие...

Леди Лидиард прервала своего управляющего в третий раз.

– Вы не назвали моего имени? – спросила она резко.

– Конечно, нет, миледи. Согласно вашему поручению я описал вас как некую благотворительницу, которая ищет случая помочь действительной нужде. Совершенно справедливо что мистер Толмидж умер, не оставив ничего своему семейству. Но у вдовы есть собственное небольшое состояние, которое дает ей семьдесят фунтов доходу.

– Достаточно этого чтобы жить, Муди? – спросила леди Лидиард.

– Достаточно для вдовы с дочерью, – отвечал Муди. – Затруднение представляют некоторые долги и необходимость устроить двух сыновей. Говорят, что они хорошие мальчики и все семейство пользуется уважением соседей. Священник предлагает, заручившись несколькими влиятельными именами, открыть в пользу семейства подписку.

– Не нужно подписки! – запротестовала леди Лидиард. – Мистер Толмидж был родственник лорда Лидиарда. Для памяти моего мужа было бы унижительно собирать подаяние в пользу его родных, хотя бы и дальних. Двоюродный брат! – воскликнула леди Лидиард, внезапно спускаясь от возвышенных чувств к низким. – Мне противно даже их имя! Человек, который настолько близок мне, чтобы считаться со мною в родстве, и в то же время настолько далек, что не может пользоваться моим расположением, это какое-то двуличное существо, чего я терпеть не могу. Вернемся, однако, к вдове и ее сыновьям. Сколько им нужно?

– Подписка в пятьсот фунтов совершенно устроила бы их, миледи, если бы только можно было надеяться собрать такую сумму.

– Она будет собрана, Муди! Я заплачу ее из своего кошелька.

После этих благородных слов она испортила эффект своего великодушного порыва выражением скупости в дальнейшей речи.

– А ведь пятьсот фунтов хороший куш денег, не правда ли, Муди?

– Совершенно справедливо, миледи.

Зная богатство и щедрость своей госпожи, управляющий удивился, однако же, выраженному ею желанию покрыть одной всю подписку. Леди Лидиард со своею быстрою проницательностью угадала его мысль.

– Вы не знаете вполне моего положения в этом деле, – сказала она. – Когда я прочла в газете известие о смерти мистера Толмиджа, я стала искать в бумагах покойного мужа какого-нибудь доказательства, что они были действительно в родстве. Я нашла несколько писем мистера Толмиджа и убедилась, что он был двоюродный брат лорда Лидиарда. В одном из этих писем есть несколько прискорбных уверений, представляющих мое поведение в самом невероятном свете, одним словом – ложь, – загорячилась леди Лидиард, по обыкновению забывая свое достоинство. – Ложь, Муди, за которую мистера Толмиджа следовало бы избить хлыстом. Я бы сама исполнила это, если бы покойный лорд сказал мне об этом в то время. Но все равно теперь бесполезно толковать об этом, – продолжала она, овладевая собой и употребляя снова выражения, приличные даме с ее положением в свете. – Этот несчастный человек был в высшей степени несправедлив ко мне. Побуждения мои могут быть ложно истолкованы, если б я вошла в личные сношения с его семейством. Если же, не называя своего имени, я помогу им в настоящем затруднении, я избавлю их от публичной подписки, и, таким образом, исполню то, что покойный муж мой сделал бы сам, если бы был жив. Мой портфель на другом столе. Принесите мне его сюда, Муди. Помогите мне заплатить добром за зло, пока я расположена сделать это.

Муди молча повиновался. Леди Лидиард написала чек.

– Снесите это моему банкиру и принесите банковый билет в пятьсот фунтов, – сказала она. – Я пошлю его священнику от имени «неизвестного друга». Помните, я слабая смертная, Муди. Не давайте мне времени пожалеть о пятистах фунтах.

Муди вышел с чеком. Не предвиделось никакого повода к промедлению; контора банкира была очень близко, в Сент-Джеймс-стрит. Оставшись одна, леди Лидиард решила, чтобы поддержать свой ум в великодушном настроении, заняться составлением письма к священнику. Она уже вынула из портфеля листок почтовой бумаги, когда слуга появился в дверях и доложил о посетителе:

– Мистер Феликс Свитсэр.

Глава III

– Племянник! – воскликнула леди Лидиард голосом, в котором выразилось удивление, без всякой, однако, примеси удовольствия. – Сколько лет прошло с тех пор, как мы последний раз виделись? – спросила она со своею резкою порывистостью, когда мистер Феликс Свитсэр подошел к письменному столу.

Посетитель не был человек, которого легко можно было оконфузить. Он взял руку леди Лидиард и поцеловал ее со свободною грацией. В манере его был оттенок иронии, приятно смягченный шутливою нежностью.

– Лет, милая тетушка? – сказал он. – Посмотритесь в зеркало, и вы увидите, что время оставалось неподвижно с тех пор, как мы виделись в последний раз. Как замечательно хорошо вы сохранились! Когда будем мы праздновать появление первой вашей морщинки? Я слишком стар, я не доживу до этого.

Он взял кресло без приглашения, сел рядом с теткой и окинул глазами ее дурно выбранное платье с видом насмешливого восхищения.

– Превосходно! – сказал он со всею благовоспитанною беззастенчивостью. – Как удачно выбран этот яркий цвет!

– Что вам угодно? – спросила леди Лидиард, ни мало не смягченная комплиментом.

– Мне угодно было засвидетельствовать мое уважение милой тетушке, – отвечал Феликс, совершенно нечувствительный к неласковому приему и совершенно удобно поместившийся в широком кресле.

Нет надобности описывать портрет Феликса Свитсэра – фигура его слишком хорошо известна в обществе. Небольшого роста юркий человек, с блестящими беспокойными глазами, длинными седеющими волосами, падающими кудрями на плечи, с неслышною походкой и вкрадчивыми манерами, неизвестных лет, с

неисчислимыми талантами и неограниченной популярностью – он известен всем и принят везде. С какою благодарностью принимает он ласковое внимание восхищенного света, как щедро отплачивает за это внимание! Всякий человек, которого он знает – «превосходный человек», всякая женщина, которую видит – «нежная красавица». Какие пикники устраивает он на берегах Темзы в летнее время! Как старается во время игры в вист, получая заслуженный небольшой доход от нее! Каким несравненным актером является он на всевозможных светских спектаклях (не исключая и брачных)! Вы никогда не читали повести мистера Свитсэра, набросанной в промежутках между теплыми ваннами на германских водах? В таком случае вы не имеете понятия, что такое блестящий вымысел. От никогда не написал второй повести. Он делает все, но делает только однажды. Один романс – отчаяние профессиональных композиторов. Одна картина, только чтобы показать, как легко джентльмен может овладеть искусством и потом бросить его. Поистине всесторонний человек, со всеми приятностями и талантами, постоянно сверкающими на концах его пальцев. Если эти скромные страницы не достигнут никакой другой цели, они окажут, по крайней мере, ту услугу лицам, не принадлежащим к высшему кругу, что познакомят их с мистером Феликсом Свитсэром. Его приятное общество оживляет рассказ, и читатель и писатель (пользуясь отраженным светом) лучше понимают друг друга, благодаря мистеру Свитсэру.

– Теперь, – сказала леди Лидиард, – когда вы, наконец, вернулись, что вы можете рассказать о себе? Разумеется, были за границей? Где?

– По большей части в Париже, милая тетушка, – единственном месте где можно жить, по той простой причине, что французы – единственный народ, который умеет взять от жизни как можно больше. Но в Англии есть родные и друзья, приходится время от времени возвращаться в Лондон...

– Когда проживешь в Париже все деньги, – добавила леди Лидиард. – Вы это хотели сказать, не правда ли?

– Что за блестящее существо! – воскликнул он. – Чего бы я ни дал за вашу быстроту ума! Да, в Париже проживешь деньги, как вы говорите. Клубы, биржа, скачки: попытаешь счастья и здесь, и там, и везде. Выигрываешь и проигрываешь, теряешь и получаешь и никогда не можешь пожаловаться на скуку, – он остановился, улыбка его исчезла, и он посмотрел вопросительно на леди Лидиард. – Как прекрасна должна быть ваша жизнь, – сказал он. – Вечный вопрос, тревожащий ваших ближних: «Где достать денег?» никогда не

произносился вашими устами. Завидная женщина! – он опять остановился, удивленный и смущенный на этот раз. – Что случилось, милая тетушка? Вы как будто страдаете от какой-нибудь болезни.

– Я страдаю от вашего разговора, – отвечала леди Лидиард резко. – Деньги именно теперь мое больное место, – продолжала она, устремив пристальный взгляд на племянника, чтобы видеть, какое действие произведут на него ее слова. – Сегодня утром я истратила пятьсот фунтов одним росчерком пера. И не более недели тому назад поддалась искушению пополнить мою картинную галерею, – при этих словах она взглянула на противоположный конец комнаты, завешанный портьерой малинового бархата. – Я содрогаюсь при мысли, чего стоила мне покупка одной картины. Ландшафт Хоббема[2 - Мейндерт Хоббема (1638–1709), нидерландский живописец.], Национальная Галерея явилась моим соперником при покупке. Но что за беда! – добавила она, утешая себя, по обыкновению, расчетами на будущее. – Картина продается после моей смерти дороже, чем я за нее заплатила, это меня успокаивает! – Она опять взглянула на Феликса, на лице ее появилась злорадная улыбка. – Что-нибудь случилось с вашей часовой цепочкой? – спросила она.

Феликс, рассеянно игравший своею цепочкой, вздрогнул, как будто слова тетки внезапно разбудили его. Пока леди Лидиард говорила, обычная живость мало-помалу оставляла его, он смотрел так серьезно и таким стариком, что ближайший друг едва ли бы мог узнать его. Пробужденный от задумчивости внезапно обращенным к нему вопросом, он, казалось, искал в уме первый попавшийся предлог, чтоб оправдать свое молчание.

– Я раздумывал, – начал он, – отчего мне недостает чего-то, когда я осматриваю эту прекрасную комнату, чего-то привычного, знаете ли, что я рассчитывал непременно встретить здесь.

– Томми? – подсказала леди Лидиард, продолжая не без злорадства наблюдать за племянником.

– Именно его! – воскликнул Феликс, найдя оправдание и снова оживляясь. – Почему я не слышу позади себя его ворчанья, почему не чувствую его зубов в моих панталонах?

Улыбка сбежала с лица леди Лидиард. Тон, принятый племянником в разговоре об ее любимой собаке, был в высшей степени непочтителен. Она ясно дала ему понять, что не одобряет его. Феликс, нечувствительный к подобным молчаливым упрекам, продолжал:

– Милый маленький Томми! Такой приятный толстячок и такой адский нрав! Не могу сказать люблю я его или ненавижу. Где же он?

– Болен, в постели, – отвечала леди Лидиард с важностью, которая изумила даже Феликса. – Я хотела поговорить с вами о Томми. Вы знаете всех на свете. Не знаете ли хорошего собачьего доктора? Я не довольна тем, к которому обращалась до сих пор.

– Доктор по профессии? – спросил Феликс.

– Да.

– Все шарлатаны, милая тетушка. Видите ли, чем хуже собаке, тем больше ему удастся получить. Я могу указать вам настоящего человека – джентльмена. Знает относительно лошадей и собак больше, чем все ветеринарные врачи вместе. Мы вчера ехали с ним вместе на пароходе через Канал. Вы, конечно, знаете его имя? Младший сын лорда Ротерфилда, Алфред Гардиман.

– Владелец конского завода, воспитывающий знаменитых скаковых лошадей? – воскликнула леди Лидиард. – Любезнейший Феликс, как могу я решиться беспокоить такое известное лицо для моей собаки?

Феликс залился своим веселым смехом.

– Никогда еще скромность не бывала более неуместна. Гардиман умирает от желания представиться вам, миледи. Он, как и всякий другой, слышал о великолепном убранстве вашего дома и жаждет осмотреть его. Он живет здесь близехонько, в Пелл-Мелле. Если он дома, то будет здесь через пять минут. Может быть, лучше прежде мне взглянуть на собаку?

Леди Лидиард покачала головой.

– Изабелла говорит, что лучше ее не беспокоить, – отвечала она. – Изабелла понимает ее лучше всех.

Феликс поднял свои подвижные брови с выражением любопытства и удивления.

– Кто такая Изабелла?

Леди Лидиард была недовольна собою, что неосторожно упомянула имя Изабеллы в присутствии племянника. Феликс был не такой человек, которого она желала бы посвящать в домашние дела.

– Изабелла прибавилась в моем доме после того, как вы были здесь в последний раз, – кратко ответила она.

– Молода и хороша? – спросил Феликс. – А! Вы смотрите серьезно и не отвечаете. Конечно, молода и хороша. Что мне посмотреть прежде: прибавление к вашему дому или прибавление вашей картинной галереи? Вы смотрите на картинную галерею. Это ваш ответ. – Он встал и пошел по направлению к арке, разделявшей комнату, но остановился при первых шагах. – Красивая девушка – большая ответственность, – сказал он с видом насмешливой серьезности. – Знаете ли, я не удивлюсь, если Изабелла будет стоять вам впоследствии больше Хоббемы. Кто это в дверях?

Человек, появившийся в дверях, был Роберт Муди, возвратившийся из банка. Мистер Феликс Свитсэр, будучи близорук, принужден был надеть лорнет и тогда уже разглядел первого министра дома леди Лидиард.

– Ба! Наш достойнейший Муди! Как он сохранился. Ни одного седого волоска в голове, а посмотрите-ка на мою! Чем вы красите волосы, Муди? Если б у него был мой откровенный характер, он бы сказал. Но теперь он держит язык за зубами. О! Если б я умел удержать мой язык, когда, знаете, я служил по дипломатической части, какое бы положение я занимал в настоящее время! Я не буду мешать вам, Муди, если вы имеете что-нибудь сказать леди Лидиард.

Ответив на веселое приветствие мистера Свитсэра вежливым поклоном, с важным видом изумления, который положил конец быстрому потоку юмора этого джентльмена, Муди обратился к своей госпоже.

– Достали вы банковый билет? – спросила леди Лидиард.

Муди положил банковый билет на стол.

– Я здесь лишний? – спросил Феликс.

– Нет, – ответила его тетка. – Мне нужно написать письмо, это займет не больше пяти минут. Можете остаться здесь или пойти посмотреть Хоббему, как хотите.

Феликс, припрыгивая, сделал вторую попытку достичь картинной галереи. Приблизившись на несколько шагов к входу, он опять остановился привлеченный отворенным шкафом итальянской работы, наполненным редким старым китайским фарфором. Будучи, разумеется, отличным знатоком, мистер Свитсэр остановился, чтоб отдать дань удивления содержимому шкафа. «Прелестно! Прелестно!» – проговорил он сам с собою, склонив одобрительно голову несколько набок. Леди Лидиард и Муди оставили его беспрепятственно любоваться фарфором и занялись своим делом.

– Не записать ли вам номер билета на всякий случай? – спросила леди Лидиард.

Муди вынул кусочек бумаги из кармана своего жилета.

– Я записал номер, миледи, еще в банке.

– Очень хорошо, сохраните его. Пока я пишу письмо, не надпишете ли вы адрес на конверте. Как зовут священника?

Муди назвал имя и надписал адрес. Феликс, оглянувшись на леди Лидиард и ее управляющего пока оба они писали, быстро вернулся к столу, как бы пораженный новой идеей.

– Есть еще третье перо? – спросил он. – Не написать ли мне теперь Гардиману, тетушка? Чем скорее вы будете знать его мнение касательно Томми, тем лучше, не так ли?

Леди Лидиард с улыбкой указала на подставку для перьев. Показать внимание ее собаке значило найти прямой путь к ее сердцу. Феликс принялся за письмо,

крупным порывистым почерком, набирая много чернил и скрипя пером по бумаге.

– Мы очень похожи на клерков в конторе, – сказал он в своей веселой манере. – Уткнули носы в бумагу и пишем, как будто бы этим снискивая себе пропитание. Вот, Муди, прикажите кому-нибудь из слуг отнести это сейчас же в квартиру мистера Гардимана.

Посыльный был отправлен. Роберт вернулся и ждал, стоя близь своей госпожи с надписанным конвертом в руках. Феликс в третий раз направился, припрыгивая, к картинной галерее. Через минуту леди Лидиард кончила письмо и вложила в него банковый билет. Только что взяла она из рук Муди конверт, только что вложила в него письмо, как крик, раздавшийся из внутренней комнаты, где Изабелла нянчилась с собакой, заставил всех вздрогнуть.

– Миледи! Миледи! – отчаянно кричала девушка. – С Томми сделался обморок! Томми умирает!

Леди Лидиард уронила незапечатанный конверт на стол и побежала – да, невзирая на свой малый рост и толщину – бегом побежала во внутренние комнаты.

Оба оставшиеся взглянули друг на друга.

– Муди, – сказал Феликс в своей лениво-цинической манере. – Думаете ли вы, что, если бы с вами или со мной сделался обморок, леди Лидиард побежала бы бегом? Ба! Это такие вещи, которые колеблют веру в человеческую природу. Я чувствую себя адски измученным. Этот проклятый переезд чрез Канал. Я трепещу до глубины желудка, когда только вспомню о нем. Подайте мне чего-нибудь, Муди.

– Чего вам прислать? – холодно спросил Муди.

– Немножко кюрасао и сухарик. Прикажите мне принести это в картинную галерею. Черт бы побрал эту собаку. Пойду посмотреть Хоббему.

На этот раз ему удалось достичь арки, и он скрылся за портьерой, отделявшею картинную галерею.

Глава IV

Оставшись один в гостиной, Муди взглянул на незапечатанный конверт на столе.

Принимая во внимание ценность вложения, имел ли он право заклеить конверт в целях сохранности? Подумав об этом, Муди решил, что не имел права запечатывать письма. Леди Лидиард могла найти нужным сделать какие-нибудь изменения или прибавить постскрипtum к написанному. Кроме этих соображений, было ли благоразумно поступать так, как будто дом леди Лидиард был отель, всегда отворенный для всякого входящего? Вещи, стоившие вдвое более пятисот фунтов, были разложены вокруг на столах и в незапертых шкафах. Без дальнейших рассуждений Муди удалился, чтобы велеть слуге подать мистеру Свитсэру просимый им напиток.

Слуга, который принес кюрасао в картинную галерею, нашел Феликса развалившимся на диване и восторгающимся картиной Хоббеми.

– Не мешай мне, – сказал он брюзгливо, заметив, что слуга остановился, устремив на него глаза. – Поставь бутылку и иди!

После запрещения смотреть на мистера Свитсэра, глаза слуги, когда он выходил из картинной галереи, невольно обратились с изумлением на знаменитый ландшафт. И что же он увидел? Он увидел вверху на небе большую тучу, которая грозила дождем, два поникших дерева, которые, казалось, ждали дождя, пыльную дорогу, которая стала еще хуже от бездождия, и маленького бродягу, который спешил домой, испугавшись приближения дождя. Такова была картина на взгляд слуги. Возвратясь в людскую, слуга выразил нелестное заключение о состоянии умственных способностей мистера Свитсэра.

– На чердаке не в порядке у бедняги! – так выразился слуга о блестящем Феликсе.

Тотчас же после ухода слуги тишина в картинной галерее была нарушена голосами, доходившими в нее из гостиной. Феликс приподнялся и сел на диван. Он различал голос мастера Гардимана, который говорил: «Не беспокойте леди Лидиард» и голос Муди отвечавший: «Я только постучу в двери комнаты миледи, сэра. Вы найдете мистера Свитсэра в картинной галерее».

Портьера на арке распахнулась и открыла фигуру высокого худощавого человека с коротко остриженной головою, несколько плотно посаженною на плечах. Неподвижная важность в лице и манере, какую приобретает, по-видимому, всякий англичанин, постоянно живущий в обществе лошадей, – таково было выражение джентльмена при входе его в картинную галерею. Он был хорошо сложенный мускулистый человек с резкими правильными чертами. Если б он не был вполне и исключительно занят лошадьми, он мог бы иметь большой успех в обществе женщин. Алфред Гардиман был в своем роде замечательный человек. Ему предлагали вступить на обычную стезю младших сыновей лордов – церковную или дипломатическую службу, но он отказался от того и другого. «Я люблю лошадей, – говорил он, – и хочу добывать себе средства к жизни лошадьми. Не говорите мне о положении в свете. Заботьтесь о положении моего старшего брата, к которому перейдет наследство и титул». Начав жизнь с этими благоразумными взглядами и небольшим капиталом в пять тысяч фунтов, Гардиман занял свое место в той сфере, которая вполне удовлетворяла его. В то время, к которому относится этот рассказ, он был уже богатым человеком и одним из величайших авторитетов по части коннозаводства в Англии. Богатство не изменило его. Он остался все тем же важным, спокойным, настойчивым и решительным человеком, верным немногим друзьям, с которыми сблизился, и чересчур откровенным в выражении своих чувств к людям, которым он не доверял или которые ему не нравились. Когда он вошел в картинную галерею и остановился на минуту, смотря на Феликса, сидевшего на диване, его большие, холодные серые глаза остановились на маленьком человеке с равнодушием, граничившим с презрением. Феликс, напротив, вскочил на ноги с торопливою вежливостью и приветствовал своего друга с преувеличенною любезностью.

– Добрый старый друг! Это очень любезно с вашей стороны, – начал он. – Я это чувствую, уверяю вас, я чувствую это!

– Вам нечего беспокоиться чувствовать, – последовал спокойный и неприветливый ответ. – Леди Лидиард пригласила меня сюда. Я пришел посмотреть на ее дом и на собаку. – Он окинул галерею своим важным

внимательным взглядом. – Я ничего не понимаю в картинах, заметил он с видом покорности. – Я пойду назад в гостиную.

После минутного размышления Феликс последовал за ним.

– Ну, – сказал Гардиман, – что же?

– То дело? – сказал Феликс вопросительно.

– Какое дело?

– Вы знаете. Можно до будущей недели?

– До будущей недели нельзя.

– Можно до завтра?

– Да.

– В какое время?

– Между двенадцатью и часом пополудни.

– Между двенадцатью и часом, – повторил Феликс.

Он опять взглянул на Гардимана и взялся за шляпу.

– Передайте мои извинения тетушке, – сказал он. – Вы можете сами представиться ей. Я не могу больше ждать.

Он вышел из комнаты, с избытком отплатив Гардиману за его равнодушную презрительность тою же монетой на прощанье.

Оставшись один, Гардиман взял стул и взглянул на дверь, которая вела в будуар. Управляющий постучался в эту дверь и исчез за нею, но не являлся назад. «Как долго еще гостю леди Лидиард придется оставаться незамеченным

в ее доме?»

Пока этот вопрос складывался в его уме, дверь будуара отворилась. В первый раз в жизни самообладание оставило мистера Гардимана. Он вскочил на ноги, как всякий обыкновенный смертный, пораженный совершенною неожиданностью.

Вместо мистера Муди, вместо леди Лидиард, в отворенных дверях показалась смущенная молодая девушка, появление коей заставило сильнее забиться сердце Гардимана, когда взгляд его остановился на ней. Была ли особа, которая при первом взгляде повергла его в смущение, лицом особенно значительным? Ничего подобного не было. Это была Изабелла по фамилии Миллер. Даже в имени ее не было ничего особенного. Просто Изабелла Миллер. Могла ли она иметь право на отличие по своей наружности?

Ответить на этот вопрос нелегко. Женщины (дадим прежде слово худшим судьям) давно уже нашли, что ей не достает того изящества фигуры, которое обусловливается тонкостью талии и длиной рук и ног. Мужчины (лучше понимавшие в этом) смотрели на ее фигуру со своей точки зрения, и, находя ее необыкновенно миловидною, не желали ничего большего. Может быть, светлый цвет ее лица или сильный блеск глаз (так думали женщины) ослеплял мужчин и делал их неспособными различать ее недостатки. Но в ней были и несомненно привлекательные черты, которых не отрицали самые строгие критики. Улыбка ее, появляясь на губах, мгновенно разливалась по всему лицу. Очаровательная атмосфера здоровья, свежести и добродушия, казалось, окружала ее, куда бы она ни шла и что бы она ни делала. Наконец ее темно-русые волосы низко спускались на широкий белый лоб и были прикрыты маленьким белым кружевным чепцом с темно-лиловыми лентами. Прямой воротничок и манжетки окружали ее нежную круглую шею и полные руки с ямочками. Мериносое платье, покрывавшее, но не скрывавшее очаровательных линий ее бюста, было одного цвета с лентами и было украшено белым кисейным фартуком, кокетливо собранным складочками около карманов – подарок леди Лидиард. Краснея и улыбаясь, она затворила за собою дверь, и, застенчиво приблизясь к незнакомцу, сказала своим тихим ясным голосом:

– Позвольте узнать, сэр, вы – мистер Гардиман?

Обычная важность знаменитого коннозаводчика оставила его при первых ее словах. Он улыбнулся, отвечая утвердительно, что он мистер Гардиман,

улыбнулся, подавая ей стул.

– Нет, благодарю вас, сэр, сказала она с легким грациозным наклоном головы. – Меня послали сюда только затем, чтобы передать вам извинение миледи. Она посадила собаку в теплую ванну и не может оставить ее. Мистер Муди не мог прийти вместо миледи, потому что я была очень испугана и не могла ничем помочь, так что ему пришлось держать собаку. Мы бы очень желали, сэр, знать, полезна ли ей теплая ванна. Пожалуйста, войдите в комнату и объясните нам.

Она направилась обратно к двери. Гардиман, естественно, не спешил следовать за ней. Когда человек очарован прелестью молодости и красоты, понятно, что он не станет спешить перенести свое внимание на больное животное в ванне. Гардиман воспользовался первым представившимся ему предлогом, чтоб удержать ее в гостиной.

– Мне кажется, что я буду в состоянии скорее помочь вам, – сказал он, – если вы прежде расскажете мне кое-что о собаке.

Даже его манера говорить несколько изменилась. Спокойный, сухой, монотонный голос, каким он говорил обыкновенно, несколько оживился под влиянием настоящего возбуждения. Что касается Изабеллы, то, будучи слишком озабочена состоянием Томми, она и не подозревала, что становится жертвой стратагемы[3 - Военная хитрость, действие, которое вводит в заблуждение противника.]. Она отошла от двери и вернулась к Гардиману. Во взгляде ее выразилось нетерпеливое желание узнать, что он скажет.

– Что я могу рассказать вам, сэр? – наивно спросила она.

Гардиман безжалостно воспользовался представившимся ему случаем.

– Можете вы сказать мне, какой породы эта собака?

– Да.

– Сколько ей лет?

– Да.

– Как ее зовут? Какой у нее нрав? Чем она больна? Какие болезни бывали у ее матери и отца? Как...

Голова Изабеллы начинала кружиться.

– Не все сразу, сэ́р! – прервала она его с умоляющим жестом. – Собака спит на моей постели, и так беспокоила меня, что я дурно провела ночь, боюсь, что от этого я сегодня очень глупа. Ее зовут Томми. Нам приходится так звать ее, потому что она не откликается ни на какое другое имя, кроме того, каким ее звали, когда миледи купила ее. Но мы пишем его с *i* – *e* в конце, в отличие от обыкновенного имени на *u*. Мне очень жаль, сэ́р, что я забыла, что еще вам нужно знать. Пожалуйста, войдите и миледи все вам расскажет.

Она попыталась вернуться к дверям будуара. Гардиман наслаждаясь видом красивого подвижного личика, которое смотрело на него с таким невинным доверием к его авторитету, вернул ее от дверей единственным средством, бывшим в его распоряжении. Он возвратился к расспросам о Томми.

– Пожалуйста, подождите минутку. Скажите мне, какой породы собака?

Изабелла снова вернулась. Описывать Томми было ее любимым делом.

– Это самая красивая собака в свете! – начала девушка и глаза ее заблестали нежностью. – У нее самая прекрасная курчавая белая шерсть с двумя светло-коричневыми пятнами на спине и такие милые черные глаза! Ее называют шотландским терьером. Когда она здорова, аппетит у нее поистине изумительный, она ест решительно все, сэ́р, начиная с *pate de foie gras*[4 - Паштет из фуа-гра.] и кончая картофелем. Но вы, может быть, не поверите, что у нее есть и враги. Люди, которые не хотят простить ей, что она иногда кусается (есть же на свете такие дурные характеры!), называют ее чудовищем. Не правда ли, как стыдно! Но войдите, пожалуйста, и посмотрите на нее, сэ́р, миледи, вероятно, уж наскучило ждать, – за этими словами последовало новое путешествие к двери, встретившее новое препятствие.

– Пойдите минутку! Вы должны сказать мне, какой у нее нрав, иначе я ничего не могу сделать.

Изабелла опять вернулась, чувствуя, что на этот раз дело серьезно. Важный вид ее был еще очаровательнее ее веселости. Когда она подняла свое лицо с широко открытыми серьезными глазами, выражавшими сознание ответственности, Гардиман отдал бы любую лошадь из своих конюшен, только бы иметь право взять ее на руки и расцеловать.

– У Томми ангельский нрав с людьми, которых он любит, – сказала она. – Если он кусается, то это обыкновенно значит, что ему не нравятся чужие. Он любит миледи, любит мистера Муди, любит меня. Теперь точно все. Пожалуйте сюда, сэр, мне кажется, я слышу, что миледи зовет меня.

– Нет, – сказал Гардиман со своим непреодолимым упрямством. – Никто вас не звал. Так каков нрав у собаки? Пойдет она ко всякому чужому? Каких людей она обыкновенно кусает?

Красивый ротик Изабеллы начал складываться в улыбку. Последний неразумный вопрос Гардимана начинал открывать ей истину. Но все-таки участь Томми была в руках этого странного джентльмена, она считала своею обязанностью помнить это. Кроме того, Изабелле не каждый день случалось очаровывать знаменитого человека, к тому же красивого и прекрасно одетого. Она рискнула потерять еще минутку-другую и вернулась к воспоминаниям о Томми.

– Я должна вам признаться, сэр, что он ведет себя несколько неблагодарно, даже с теми из чужих, кто хочет ему помочь. Когда он выбегает на улицу (что случается довольно часто), он садится на тротуаре и воет, пока не соберет вокруг себя кучку сострадательных людей. Когда кто-нибудь пытается прочесть на ошейнике его имя и адрес, он бросается на них. Слуги обыкновенно находят его и приносят домой, тогда он возвращается к дверям и бросается на слуг. Но я думаю, что это он шутит. Посмотрели бы вы на него за обедом, как он сидит на своем кресле, ждет, чтоб ему подавали, положив передние лапки на край стола, – как руки джентльмена на публичном обеде, когда он говорит спич. Но теперь, – воскликнула Изабелла, прерывая себя со слезами на глазах, – я так говорю о нем, а он так ужасно болен! Одни говорят, что у него бронхит, другие – боль в печени. Вчера еще я выпустила его на улицу немножко освежиться, и он остановился на тротуаре и был сам не свой. В первый раз в жизни он не бросился ни на кого из прохожих и бедняжка не имел даже охоты пойти понюхать фонарный столб!

Едва Изабелла успела рассказать это последнее печальное обстоятельство, как воспоминания о Томми были внезапно прерваны голосом леди Лидиард, которая на этот раз действительно звала ее из-за дверей будуара.

– Изабелла! Изабелла! – кричала миледи. – Что вы там делаете?

Изабелла подбежала к дверям будуара и отворила их.

– Войдите, сэр! Пожалуйста, войдите!

– Без вас? – спросил Гардиман.

– Я приду вслед за вами, сэр. Мне надо прежде кое-что сделать для леди Лидиард.

Она продолжала держать отворенную дверь, указывая вход в будуар.

– Меня будут бранить, сэр, если вы не войдете.

Это заявление не оставляло Гардиману другого выбора.

Он без промедления вошел к леди Лидиард.

Затворив за ним дверь гостиной, Изабелла остановилась, поглощенная своими мыслями.

Теперь она вполне сознавала, какое впечатление произвела на Гардимана. Тщеславие ее, надо сознаться, было польщено его восхищением – он был так знаменит и так высок, и у него были такие красивые большие глаза. Стоя с опущенною головой и разгоревшимся лицом и улыбаясь про себя, девушка казалась красивее, чем когда-нибудь. Часы на камине, пробившие полчаса, вывели ее из задумчивости. Проходя мимо зеркала, она заглянула в него и подошла к столу, за которым писала леди Лидиард.

Методичный мистер Муди, призванный помогать делать ванну Томми, не забыл об интересах своей хозяйки. Он напомнил миледи, что она оставила незапечатанным письмо с вложенным в него банковым билетом. Занятая

собакой леди Лидиард отвечала:

– Изабелла ничего не делает, пусть она запечатает его. Попросите мистера Гардимана сюда, – продолжала она, обращаясь к Изабелле, – и потом запечатайте письмо, которое найдете у меня на столе.

– И когда запечатаете, – добавил заботливый мистер Муди, – положите опять на стол. Я возьму его, когда миледи меня отпустит.

Таково было поручение, удержавшее теперь Изабеллу в гостиной. Она зажгла восковую свечу, закрыла и запечатала открытый конверт, не любопытствовав даже взглянуть на адрес. Мистер Гардиман был главным предметом ее мыслей. Оставив запечатанное письмо на столе, она вернулась к камину и стала внимательно осматривать свое миловидное лицо в зеркале. Время проходило – Изабелла была занята своими мыслями. «Без сомнения он встречает многих красивых дам, – думала она, колебаясь между гордостью и смирением. – Удивляюсь, что он нашел во мне?»

Часы пробили час. Почти в то же мгновение дверь будуара отворилась и Роберт Муди, освободившийся, наконец, от забот о собаке, вошел в гостиную.

Глава V

– Что, – спросила Изабелла с жадным любопытством. – Что говорит мистер Гардиман? Надеется ли он, что может вылечить Томми?

– Мистер Гардиман, кажется, умеет обращаться с животными, сказал Муди. – Он приподнял веки собаки, посмотрел ей в глаза и сказал, что ванна была не нужна.

– Продолжайте! – сказала Изабелла нетерпеливо. – Я думаю, он сделал что-нибудь, кроме того, что сказал, что ванна не нужна.

– Он вынул из кармана ножик с ланцетом...

Изабелла всплеснула руками со слабым криком ужаса.

– О, мистер Муди! Он поранил Томми?

– Поранил? – повторил Муди негодуя на интерес, какой она чувствовала к собаке и на ее равнодушие к человеку (т. е. к нему). – Поранил, действительно! Мистер Гардиман пустил кровь скоту...

– Скоту! – повторила Изабелла, и глаза ее засверкали. – Я знаю некоторых людей, мистер Муди, которые действительно заслуживают этого ужасного названия. Если вы не можете сказать «Томми», когда говорите о нем в моем присутствии, то, будьте так добры, говорите просто «собака».

Муди уступил с неудовольствием.

– О, очень хорошо! Мистер Гардиман пустил кровь собаке и тотчас же привел ее в чувство. Мне поручено сказать вам...

Он остановился, как будто данное ему поручение было в высшей степени неприятно ему.

– Что же вам поручили сказать мне?

– Я должен сказать вам, что мистер Гардиман даст вам наставление как обращаться с собакой на будущее время.

Изабелла поспешила к двери, торопясь получить наставление. Муди остановил ее прежде, чем она успела отворить дверь.

– Вы очень спешите увидеть мистера Гардимана, – заметил он.

Изабелла оглянулась на него с удивлением.

– Вы только что сказали, что мистер Гардиман ждет меня, чтобы сказать мне, как обращаться с Томми.

– Может подождать, – угрюмо заметил Муди. – Когда я оставил его, он был достаточно занят выражением своего лестного мнения о вас.

Бледное лицо управляющего побледнело еще более при этих словах. С прибытием Изабеллы в дом леди Лидиард «время его пришло», как предсказывала женская прислуга. Наконец-то бесчувственный человек испытал влияние женщины, наконец-то он узнал муки любви, безнадежной любви к девушке, которая по летам годилась ему в дочери. Он уже не раз говорил с Изабеллой в таких выражениях, которые могли вполне открыть его тайну. Но тлеющий огонь ревности, раздутый в пламя мистером Гардиманом, обнаружился теперь в первый раз. Его взгляды, еще более, нежели слова, предостерегли бы всякую женщину, знающую натуру таких людей, чтоб она была осторожна в своем ответе. Молодая, безрассудная и неопытная Изабелла поддалась внезапному увлечению минуты, не думая о последствиях.

– Со стороны мистера Гардимана очень любезно хорошо говорить обо мне, – проговорила она с веселым коротким смехом. – Надеюсь, вы не ревнуете к нему, мистер Муди?

Муди не был расположен переносить необузданную веселость молодости и хорошего расположения духа.

– Я ненавижу всякого человека, который восхищается вами, – сказал он с порывистой страстностью, – кто бы он ни был!

Изабелла взглянула на своего обожателя с непритворным изумлением. Как не похож он на мистера Гардимана, который с начала до конца относился к ней, как к леди.

– Какой вы странный человек! – сказала она. – Вы не понимаете шутки. Поверьте, что я не желала оскорбить вас.

– Вы не оскорбляете меня, вы делаете хуже: вы делаете меня несчастным.

Изабелла начала бледнеть. Веселость сошла с ее лица, она серьезно посмотрела на Муди.

– Я не люблю, чтобы меня незаслуженно обвиняли, что я делаю других несчастными, – сказала она. – Лучше будет, если я уйду. Пустите меня, пожалуйста.

Сделав одну ошибку, оскорбив ее, Муди сделал другую, пытаясь примириться с ней. Под влиянием страха, что она действительно уйдет, он грубо взял ее за руку.

– Вы всегда стараетесь уходить от меня, – сказал он. – Желал бы я знать, как могу я сделаться приятным для вас, Изабелла.

– Я не позволяю вам называть меня Изабелла! – возразила она, делая усилие освободиться. – Пустите мою руку. Вы делаете мне больно.

Муди выпустил ее руку с коротким вздохом.

– Я не знаю, как обращаться с вами, – сказал он просто. – Пожалейте меня хоть немного.

Если б управляющий имел какое-нибудь понятие о женщинах (в такие юные годы), он никогда не обратился бы к ее жалости в таких прямых словах и в такую неудобную минуту.

– Пожалеть вас? – повторила она презрительно. – Это все, что вы имеете сказать мне, после того как повредили мне руку? Какой вы медведь!

Она пожала плечами и кокетливо заложила руки в карманы своего фартука. Вот как она жалела его! Его лицо становилось все бледнее и искажилось страданием.

– Ради Бога, не смейтесь надо всем, что я говорю! – воскликнул он. – Вы знаете, что я люблю вас всем сердцем и душой. Много раз я просил вас стать моею женой, и вы смеетесь надо мной, как если б это была шутка. Я не заслужил, чтобы со мной обращались так жестоко. Это сводит меня с ума – я не могу долее переносить этого!

Глаза Изабеллы были опущены в пол, она обводила кончиком своего изящного маленького башмачка линии узоров на ковре. Она также мало понимала то, что говорил Муди, как если б он говорил по-еврейски. Она была изумлена и смущена, слыша выражение страсти, которую бессознательно вызвала.

– Почему вы не можете говорить о чем-нибудь другом, – проговорила она. – Почему бы нам не быть друзьями? Простите меня, что я напоминаю об этом, – продолжала она, смотря на него с жестокою улыбкой, – но вы так стары, что могли бы быть моим отцом.

Голова Муди опустилась на грудь.

– Вы правы, – сказал он со смирением. – Но есть кое-что, что говорит в мою пользу. Другие люди моих лет бывали хорошими мужьями. Я посвятил бы всю мою жизнь, чтобы сделать вас счастливою. Я спешил бы исполнять малейшие ваши желания. Вы не должны считать мои года. Я не растратил свою молодость легкомысленною жизнью, я могу быть более верным и нежным мужем, чем многие молодые люди. Не может быть, чтобы сердце мое было совершенно недостойно вас, если оно все принадлежит вам. Я вел такую одинокую несчастную жизнь, и вам так легко озарить ее. Вы добры ко всем, Изабелла. Скажите же, почему вы так жестки ко мне?

Голос его дрожал, когда он взывал к ней в этих простых словах. Наконец-то он избрал настоящий путь, чтобы тронуть ее. Она действительно пожалела его. Все, что было правдивого и нежного в ее натуре, начало выступать, принимая его сторону. К несчастью, он чувствовал слишком глубоко и слишком сильно, чтобы быть терпеливым и дать ей время. Он совершенно иначе понял ее молчание, превратно истолковал побуждение, заставившее ее отвернуться на мгновение, чтобы собраться с духом, прежде чем отвечать ему.

– А! – воскликнул он с горечью, тоже отворачиваясь. – У вас нет сердца!

Эти несправедливые слова вызвали в ней злобное чувство. В эту минуту они задели ее за живое.

– Вам лучше знать, – сказала она. – Я не сомневаюсь, что вы правы. Но помните одно, что хотя у меня и нет сердца, но я никогда не поощряла вас, мистер Муди. Я всегда говорила, что могу быть только вашим другом. Попомните это, пожалуйста, на будущее время. Я не сомневаюсь, что найдется много прекрасных женщин, которые будут рады выйти за вас замуж. Прощайте. Миледи будет удивляться, что случилось со мной. Будьте так добры, позвольте мне пройти.

Мучимый пожиравшей его страстью, Муди упрямо продолжал стоять между Изабеллой и дверью. Недостойное подозрение на ее счет, которое было в его уме во все время разговора, вырвалось теперь наружу.

– Никогда ни одна женщина не мучила так ни одного человека, как вы мучаете меня без всякого повода, – сказал он. – Вы замечательно хорошо сохраняли вашу тайну, но рано или поздно всякая тайна откроется. Я знаю, что у вас на уме так же, как вы сами это знаете. Вы любите другого.

Лицо Изабеллы вспыхнуло ярким румянцем, в ней заговорила гордость оскорбленной женщины. Она бросила на Муди негодующий взгляд, не давая себе труда выразить свое презрение словами.

– Пустите, сэр! – было все, что она сказала ему.

– Вы любите другого, – повторил он страстно. – Отрицайте это, если можете.

– Отрицать! – повторила она, и глаза ее заблестали. – Какое право имеете вы предлагать мне такие вопросы? Разве я не имею права делать, что хочу?

Он стоял и смотрел на нее, обдумывая свой ответ, и самообладание внезапно оставило его. Сдержанная ярость проглядывала в его сурово устремленных на нее глазах, сдержанная ярость обнаруживалась в его дрожащих руках, когда он выразительно поднял их, говоря следующие слова:

– Мне остается сказать еще одно, – отвечал он, – и я закончу. Если я не буду вашим мужем, никто другой не будет им. Помните это, Изабелла Миллер. Если между нами стоит кто-нибудь другой, я скажу ему только одно – нелегко ему будет отнять вас у меня!

Она вздрогнула и побледнела, но только на мгновение. Мужество, в котором у нее не было недостатка, заблестало в ее глазах, и она взглянула на него безбоязненно.

– Угрозы? – сказала она со спокойным презрением. – Вы объясняетесь в любви, мистер Муди, очень странным образом. Совесть моя чиста. Когда вы успокоитесь, я приму ваши извинения, – она остановилась и указала на стол. –

Так лежит письмо, которое, запечатав, я должна была оставить для вас, – продолжала она. – Вероятно, вы получили о нем какие-нибудь приказания миледи. Не пора ли вам подумать о том, чтоб исполнить их.

Презрительное спокойствие ее голоса и манеры, казалось, уничтожило Муди. Не говоря ни слова, злополучный управляющий взял письмо со стола. Не говоря ни слова, он дошел до большой двери, выходящей на лестницу, остановился на пороге, чтобы взглянуть на Изабеллу, постоял с минуту, бледный и молчаливый, и быстро вышел из комнаты.

Этот безмолвный уход, эта безнадежная покорность невольно подействовали на Изабеллу. Сознание перенесенной несправедливости исчезло минуту спустя после того, как она осталась одна. Не прошло минуты, как она начала снова жалеть его. Предшествовавшее свидание не научило ее ничему. Она была не в таком возрасте, не имела достаточной опытности, чтобы понять, какой роковой поворот производит в характере человека любовь, когда она овладевает им впервые в зрелых годах. Если бы Муди поцеловал ее при первом представившемся случае, она рассердилась бы за свободу, которую он позволил себе с ней, но она совершенно поняла бы его. Его ужасная серьезность, его крайняя возбужденность, его внезапная жестокость, только смущали ее. «Я уверена, что не хотела оскорбить его чувство, – такова была форма, которую приняло ее размышление при настоящей ее готовности к покаянию, – но зачем он вызывал меня на это?.. Это бесстыдная ложь – говорить мне, что я люблю другого. Я готова ненавидеть всех мужчин, если все они похожи на мистера Муди... Желала бы я знать, простит ли он мне, когда мы с ним опять увидимся. Со своей стороны я готова забыть и простить, особенно если он не будет настаивать, что я должна полюбить его, потому что он меня любит. О! Как бы я желала, чтоб он вернулся пожать мне руку... Даже святой выйдет из терпения, если с ним будут обращаться таким образом. Я бы желала быть безобразною! Безобразные могут жить спокойно – мужчины не обращают на них внимания... Мистер Муди! Мистер Муди!» Она вышла на площадку лестницы и тихонько позвала его. Ответа не было. Его уже не было в доме. С минуту она простояла молча с досадой и огорчением. «Пойду к Томми, – решила она. – Из них двоих Томми, несомненно, более приятная компания. Боже мой! Там еще мистер Гардиман ждет меня, чтобы передать мне свои наставления! Желала бы я знать, на кого я похожа?» Она опять посоветовалась с зеркалом, поправила слегка волосы и чепчик и поспешила в будуар.

Глава VI

В течение четверти часа гостиная оставалась пустою. По прошествии этого времени совещание в будуаре окончилось. Леди Лидиард возвратилась в гостиную сопровождаемая мистером Гардиманом, Изабелла осталась смотреть за собакой. Прежде чем дверь затворилась за ним, Гардиман повернулся, чтобы повторить свои последние медицинские указания – или, говоря правду, чтобы взглянуть еще раз на Изабеллу.

– Давайте ей пить побольше воды, мисс Изабелла, и маленький кусочек хлеба или сухарик, если она захочет есть. Пожалуйста, ничего больше, пока я завтра не посмотрю ее.

– Благодарю вас, сэр, я буду заботиться...

На этом месте леди Лидиард прервала обмен инструкций и вежливостей.

– Затворите, пожалуйста, дверь, мистер Гардиман. Мне дует. Благодарю вас. Не нахожу слов выразить вам мою признательность за вашу доброту. Если бы не вы, бедная моя собачка была бы теперь уже мертвая.

Гардиман отвечал спокойным, меланхолически-монотонным голосом.

– Вам нечего больше беспокоиться, миледи, о собаке. Старайтесь только не обкормить ее. Ей будет хорошо под присмотром мисс Изабеллы. Кстати, ее фамилия Миллер, не правда ли? Не в родстве ли она с Ворвикширскими Миллерами из Дексборо-Хауза?

Леди Лидиард взглянула на него с выражением насмешливого изумления.

– Мистер Гардиман, – сказала она, – это уже четвертый раз, что вы опрашиваете меня об Изабелле. Вы, кажется, очень интересуетесь моею маленькою компаньонкой. Пожалуйста, не извиняйтесь! Вы делаете ей комплимент, а так как я очень люблю ее, то я, понятно, очень благодарна, когда вижу, что ею восхищаются. В то же время, – добавила она, по обыкновению быстро переходя в другой тон, – и поглядывала на вас и на нее, когда вы разговаривали в соседней комнате, и я не позволю вам одурачить девушку. Она не принадлежит к вашему

обществу, и чем скорее вы это узнаете, тем лучше. Вы смешите меня, когда спрашиваете, не в родстве ли она со знатными фамилиями. Она сирота, дочь провинциального аптекаря. У родных ее нет ни гроша, кроме одной тетки, которая живет в деревне и имеет двести или триста фунтов в год. Я узнала о девушке случайно. Когда у нее умерли отец с матерью, тетка предложила взять ее к себе. Изабелла сказала: «Нет, благодарю вас, я не хочу быть в тягость родным, которые сами едва могут жить. Всякая девушка может честным трудом заработать себе хлеб, если захочет, и я хочу попробовать устроиться сама». Вот что она сказала. Мне понравилась такая независимость, – продолжала леди Лидиард, возвращаясь к более высокому порядку мыслей и выражений. – В то же время с выходом замуж моей племянницы я оставалась одна в этом большом доме. Я предложила Изабелле поступить ко мне в качестве компаньонки и лектрисы[5 - Женщина, профессионально занимающаяся чтением вслух, чтица.] сначала на несколько недель и потом решить самой, нравится ей такая жизнь или нет. С того времени мы не разлучались. Я бы не могла любить ее больше, если б она была моею родною дочерью, со своей стороны она привязалась ко мне всем сердцем. Она обладает прекрасными качествами – скромна, весела, добронравна, настолько умна, что понимает свое место в свете, не увлекаясь моим расположением к ней. Для ее пользы я постаралась, чтобы в этом вопросе не было сомнений. Было бы жестоко оставлять ее в заблуждении на этот счет в виду будущего ее замужества. Я буду заботиться, чтоб ее будущий муж занимал одинаковое с нею общественное положение. Мне хорошо известно, по одному случаю в нашем родстве, к каким несчастиям ведут неравные браки. Простите, что я так долго беспокоила вас моими домашними делами. Я очень люблю Изабеллу, а девушке так не трудно вскружить голову. Теперь, когда вы знаете ее настоящее положение, вы будете также знать, насколько может простирается ваш интерес к ней. Я уверена, что мы поняли друг друга, и не буду говорить больше.

Гардиман слушал эту длинную речь с неподвижною важностью, бывшею принадлежностью его характера и изменившей ему только, когда Изабелла застала его врасплох. Когда леди Лидиард дала ему возможность говорить, он имел сказать немного, и это немного обнаружило, что он не извлек для себя пользы из того, что только что выслушал. Мысли его были исключительно заняты Изабеллой, когда леди Лидиард начала говорить, они продолжали быть заняты ею также и теперь, когда леди Лидиард кончила свою речь.

– Да, – заметил он спокойно, – мисс Изабелла замечательно прекрасная девушка, как вы говорите. Очень красивая, с таким простым, безыскусственным обращением. Не отрицаю, что она очень заинтересовала меня. Светские девушки

мне не по нраву. Но мисс Изабелла мне нравится.

Лицо леди Лидиард выразило полнейшее удивление.

– Боюсь, что мне не удалось понятно выразить вам то, что я желала.

Гардиман как нельзя более серьезно объявил, что он вполне понял ее.

– Прекрасно! – повторил он со своим непреодолимым упрямством. – Вы вполне точно передали, миледи, мое мнение о мисс Изабелле. Скромная, веселая и добронравная, как вы говорите – все эти качества для меня в высшей степени привлекательны в женщине. Кроме того, красива, разумеется, красива. Она будет истинным сокровищем (как вы только что заметили) для человека, который женится на ней. Я, кажется, имею право судить об этом. Два раза я сам едва избежал женитьбы, и хотя я не могу в точности объяснить почему, но с тех пор женщине нелегко мне понравиться. Но мисс Изабелла нравится мне. Мне кажется, я уже прежде говорил вам это? Простите, что я повторяюсь. Я зайду посмотреть на собаку завтра в одиннадцать часов утра, если вы позволите. Позже этого времени я должен отправиться во Францию присутствовать при продаже лошадей. Очень рад, что мог быть чем-нибудь полезен вам, миледи. Прощайте.

«Он или очень ограниченный человек вне сферы своих конюшен, – подумала она, – или с умыслом отказывается понимать, когда ему делают ясные намеки. Ради Томми я не могу порвать с ним знакомства. Остается только держать Изабеллу подальше от него. Моя милая девочка не будет поставлена в ложное положение, пока я жива и могу уберечь ее. Когда мистер Гардиман пожалует завтра, она уйдет по моим поручениям. Когда он придет по возвращении из своей поездки, она будет наверху с головною болью. Если же он попытается явиться еще раз, она будет в деревне. Если он будет делать какие-нибудь замечания по поводу ее отсутствия, он увидит, что я могу быть так же бестолкова как он, когда это нужно».

Придя к такому удовлетворительному разрешению затруднения, леди Лидиард почувствовала непреодолимое желание позвать Изабеллу и приласкать ее. Это была неизбежная реакция горячо любящей женщины после того, как ее тревога о судьбе девушки успокоилась вследствие принятого ею решения. Она быстро отворила дверь и неожиданно вошла в будуар. Даже в выражениях горячей

привязанности у леди Лидиард проявлялась резкость манеры, свойственная ей во всех житейских отношениях.

– Поцеловала я вас сегодня утром? – спросила она, когда Изабелла встала ей на встречу.

– Да, миледи, – отвечала девушка с очаровательной улыбкой.

– Так подойди и поцелуй меня также. Любишь ли ты меня? Хорошо, в таком случае считай меня своей матерью. Не называй меня больше миледи. Обними меня покрепче.

Что-то в этих простых словах или во взгляде, их сопровождавшем, пробудило нежность Изабеллы, которая проявлялась не часто. Улыбающиеся губы ее дрожали, слезы заблестели у нее в глазах.

– Вы так добры ко мне, – прошептала она, склоняя голову на грудь леди Лидиард, – могу ли я достойно отплатить вам моей любовью?

Леди Лидиард погладила красивую головку, прижавшуюся к ней с такой детской нежностью.

– Хорошо, хорошо! – проговорила она. – Ступай и играй с Томми, друг мой. Мы можем сколько угодно любить друг друга, но зачем же плакать? Господь с тобой. Ступай, ступай!

Она быстро отвернулась, ее глаза были также влажны, но было бы несогласно с ее характером выказать это пред Изабеллой.

«К чему я делаю глупости? – думала она, направляясь к двери гостиной. – Впрочем, все равно. Я стала не хуже от этого, а лучше. Странно, этот мистер Гардиман заставил меня почувствовать к Изабелле более нежности, чем когда-нибудь».

С такими размышлениями она вошла в гостиную и невольно вздрогнула.

– Боже мой! – воскликнула она раздражительно. – Как вы испугали меня! Почему мне не сказали что вы здесь?

Оставив гостиную пустою, леди Лидиард по возвращении нашла в ней джентльмена, таинственно появившегося в ее отсутствие на предкаминном коврике. Нового посетителя можно было назвать совершенно серым. У него были серые волосы, брови и бакенбарды, на нем были серые сюртук, брюки, жилет и серые перчатки. Наружность его свидетельствовала о совершенном здоровье и респектабельности, и на этот раз наружность не была обманчива. Серый человек был ни кто иной, как юрист леди Лидиард, мистер Трой.

– Я очень сожалею, миледи, что имел несчастье испугать вас, – сказал он с резко выраженным замешательством. – Я имел честь передать вам чрез мистера Муди, что буду в этот час по делу, касающемуся вашего дома, миледи. Я надеялся, что вы ожидали встретить меня здесь, ожидающего чести...

До сих леди Лидиард слушала своего юриста, устремив на него глаза с выражением свойственной ей прямоты. Теперь она остановила его на середине речи переменной в выражении лица, которое ясно выразило тревогу.

– Не извиняйтесь, мистер Трой, – сказала она. – Я виновата, что забыла ваше предупреждение и не сумела сдержать своих нервов, как бы следовало, – она остановилась на минуту и села прежде, нежели проговорила следующие слова. – Могу ли спросить, – начала она опять, – есть что-нибудь неприятное в том деле, которое привело вас сюда?

– Решительно ничего, миледи, дело простой формальности. Если желаете, можно отложить его до завтра или до другого дня.

Леди Лидиард нетерпеливо забарабанила пальцами по столу.

– Вы знаете меня довольно долго, мистер Трой, и можете знать, что я не терплю отсрочек. Вы имеете что-то неприятное сообщить мне.

Юрист почтительно протестовал.

– Уверяю вас, леди Лидиард... – начал он.

– Так не годится, мистер Трой! Я знаю, как вы смотрите при обыкновенных обстоятельствах, и вижу, как вы смотрите на меня теперь. Вы очень ловкий юрист, но, к счастью для интересов, порученных вашей заботливости, вы, в то же время, вполне честный человек. После двадцатилетнего знакомства со мною вы не можете обмануть меня. Вы принесли мне дурные вести. Говорите сразу, сэр, и говорите откровенно.

Мистер Трой уступил, но постепенно, шаг за шагом.

– Боюсь, что известия мои могут наскучить вам, миледи, – он остановился и потом сделал еще шаг. – Это новость, которую я сам узнал, только войдя в ваш дом. – Он опять остановился и подвинулся еще на шаг. – Я случайно встретил в сенях вашего управляющего, мистера Муди...

– Где он? – прервала сердито леди Лидиард. – Его я могу заставить говорить и заставлю. Пошлите его сюда сейчас же.

Юрист сделал последнее усилие несколько замедлить приближавшееся разъяснение.

– Мистер Муди сейчас придет сюда. Мистер Муди просил меня приготовить вас, миледи...

– Позвоните вы в колокольчик, мистер Трой, или я сама должна сделать это?

Муди очевидно ожидал за дверями, пока юрист говорил за него. Он избавил мастера Троя от труда позвонить и сам вошел в гостиную. Леди Лидиард внимательно осмотрела его. Лицо ее мгновенно побледнело. Она не произнесла ни слова. Она смотрела и ждала.

Муди также молча положил на стол развернутый лист бумаги. Бумага дрожала в его руке.

Леди Лидиард первая пришла в себя.

– Это ко мне? – спросила она.

– Точно так, миледи.

Без минутного колебания она взяла бумагу. Оба присутствовавшие тревожно следили за ней, пока она читала.

Почерк был незнакомый. Письмо было следующего содержания:

«Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что податель этой записки, Роберт Муди, передал мне письмо, которое ему поручено было доставить, с адресом на мое имя и с нетронутой печатью. С сожалением должен прибавить, что тут вышла, по меньшей мере, какая-нибудь ошибка. Вложение, о котором упоминает неизвестный автор письма, подписавшийся „друг в нужде“, не дошло до меня. В письме, когда я вскрыл его, не было никакого банкового билета в пятьсот фунтов. Моя жена присутствовала при том, как я сломал печать и может, если нужно, подтвердить настоящее заявление. Не зная, кто такой мой благотворительный корреспондент (мистер Муди не имел разрешения сообщить мне о нем какие бы то ни было сведения), я могу только путем настоящего заявления передать о положении дела и предоставить себя в распоряжение писавшего письмо. Адрес моей квартиры помечен вверху письма. Самуил Брадсток, ректор церкви Св. Анны. Двинсбери, Лондон».

Леди Лидиард уронила бумагу на стол. В настоящую минуту, несмотря на ясность, с какою изложено было заявление ректора, она, по-видимому, неспособна была понять его.

– Ради Бога, что это значит? – спросила она.

Юрист и управляющий взглянули друг на друга. Кому из них следовало начать говорить? Леди Лидиард не дала им времени решить.

– Муди, – сказала она сурово, – вам было поручено письмо. Я жду от вас объяснения.

Черные глаза Муди заблестели. Он отвечал леди Лидиард, не думая скрывать, что не одобряет тона обращенного к нему вопроса.

– Я взялся доставить письмо по адресу, – сказал он. – Я нашел его запечатанным на столе. Вы имеете, миледи, письменное удостоверение священника, что я доставил ему письмо с неповрежденною печатью. Я исполнил то, что должен был сделать и не имею представить никаких объяснений.

Прежде чем леди Лидиард могла возразить, мистер Трой скромно вмешался. Он ясно видел, что требовалась его опытность, чтобы направить исследование на настоящий путь.

– Простите меня, миледи, – сказал он с тем счастливым соединением настойчивости и вежливости, тайной коего владеют только юристы. – Есть только один способ добраться до истины в прискорбных делах, подобных настоящему. Следует начать с начала. Смею ли я предложить вам один вопрос, миледи?

Леди Лидиард почувствовала успокаивающее влияние мистера Трой.

– Я к вашим услугам, сэр, – проговорила она спокойно.

– Вполне ли вы уверены, что вложили банковый билет в письмо? – спросил юрист.

– Я, конечно, думаю, что вложила его, – отвечала леди Лидиард. – Но, в то время, я была так расстроена внезапною болезнью моей собаки, что едва ли имею право говорить утвердительно.

– Был кто-нибудь в комнате кроме вас, миледи, в то время как вы вкладывали билет в письмо?

– Я был в комнате, – сказал Муди, – и могу клятвенно утверждать, что видел, как миледи вложила билет в письмо и письмо положила в конверт.

– И запечатала его? – спросил мистер Трой.

– Нет, сэр. Миледи позвали в другую комнату к собаке, прежде чем она успела запечатать письмо.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Доверенное лицо, выполняющее всяческие поручения.

2

Мейндерт Хоббема (1638–1709), нидерландский живописец.

3

Военная хитрость, действие, которое вводит в заблуждение противника.

4

Паштет из фуа-гра.

Женщина, профессионально занимающаяся чтением вслух, чтица.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kollinz_uil-yam-uilki/den-gi-miledi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)